

Научное и философское исследование: демаркация и конвергенция

Розин В.М.,

д. филос. н., профессор,
главный научный сотрудник
Института философии РАН, Россия,
109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1
ORCID: 0000-0002-4025-2734
rozinvm@gmail.com

Аннотация: В статье обсуждается понятие исследования в двух основных дисциплинарных областях знания — философии и науке. Подвергается сомнению сведение философии к науке. Автор показывает, что наука обособляется от философии в эллинистический период в связи с тем, что происходит разделение труда: к философии отходят критика и конституирование новой реальности, а к науке — получение знаний по поводу уже сложившейся предметной области. Общим для обеих областей выступает построение схем и идеальных объектов, но для науки характерно также построение моделей. На примерах двух кейсов (исследования Галилея и личности Пушкина) реконструируется особый тип научного исследования, названный автором научно-философским дискурсом, включающий в себя философскую работу (осмысление). Более подробно на материале культурно-исторической реконструкции техники разбирается современный вид философского осмысления, опирающийся на научно-философское исследование. Достоинство этого подхода автор видит в том, что предметом реконструкции являются конкретные виды техники в конкретное историческое время, в конкретных культурах, причем эти сложные объекты исследуются как индивиды, что отчасти блокирует их подведение под общие схемы и возможность редукции к одному из видов техники или подведение под абстрактные концепции. Реконструируются, с одной стороны, причины, условия, обстоятельства, механизмы, определяющие переход к новым ситуациям, в которых складываются и затем функционируют новые виды техники, с другой — последствия, которые эти виды техники обуславливают, вплоть до изменения социальности, условий жизни человека и его самого.

Ключевые слова: наука, философия, исследование, реконструкция, история, культура, дисциплина, знание, мышление, дискурс.

Введение

Чаще употребляется выражение «научное исследование», реже — «философское». И понятно, почему: в философии до сих пор идут споры — является ли философия наукой. Если не наука, то что значит выражение «философское исследование»? Другое дело —

научное исследование. С легкой руки Томаса Куна в его известной работе «Структура научной революции» утверждается, что исследование выступает характерной чертой «нормальной науки». «Однако, — пишет он, — если проблемы нормальной науки являются в этом смысле головоломками, то отпадает необходимость объяснять подробнее, почему ученые штурмуют их с такой страстью и увлечением... Научное предприятие в целом время от времени доказывает свою плодотворность, открывает новые области, обнаруживает закономерности и проверяет давние убеждения. Тем не менее, *индивидуальное* исследование проблем нормальной науки *почти никогда не дает подобного эффекта ни в одном из этих аспектов*. Ученого увлекает уверенность в том, что если он будет достаточно изобретателен, то ему удастся решить головоломку, которую до него не решал никто или в решении которой никто не добился убедительного успеха. Многие из великих умов отдавали все свое внимание заманчивым головоломкам такого рода» [12].

В то же время понятно, почему в философии стали употреблять понятие «исследование»: во-первых, под влиянием науки, во-вторых, разве философ не решает задачи-головоломки? Подведение философии под институциональные требования, идущие, конечно, от науки, а именно выполнение задач и разработок в заданные сроки, а также приближение к стандартному качеству результатов работы (исследования?), судя по всему, сказалось на понимании философского анализа и осмысления как исследования. Вот и автор уже третий год читает в университете курс «Методика и методы научного исследования в философии», и это при том, что методика к философии явно не имеет отношения. Но и исследование, на мой взгляд, здесь под вопросом, так же как и сближение философии с наукой. Взглянем под углом зрения этих проблем на формирование в античной культуре философии и науки.

Обособление науки

Известно, что наука не сразу выделилась из философии. «Физика» Аристотеля как «вторая», по сути, прикладная философия, конечно, напоминает науку, особенно там, где даются определение равномерного движения и объяснение причин движения (для каждого из них есть «свое место»¹), но все же бóльшее место в ней занимают философские вопросы — разрешение апорий Зенона, построение новых понятий времени и движения [20]. Античных философов в первую очередь интересуют два вопроса: каким образом можно непротиворечиво рассуждать (доказывать, мыслить) и что собой представляют явления, определяющие жизнь человека и полиса, например, любовь или душа. Так, Платон в «Пире»

---

¹ «Под естественным, — пишет М. Гуковский, — понимается движение, происходящее без воздействия какой-либо силы; по классической аристотелевской концепции оно вызвано врожденным всем сущему стремлением к своему месту, той точке, в которой сосредоточена как бы вся сущность стихии, из которой состоит данное тело. Движение, вообще говоря, может происходить по всем направлениям, но движение естественное может происходить только в одном направлении, определяемом, для расположенной в пространстве телесной точки, линией, соединяющей эту точку с центром мира или, что то же самое, с центром земли» [9, с. 19]. А. Григорьян и В. Зубов дополнительно разъясняют аристотелевскую концепцию так. С точки зрения Аристотеля, «четыре стихии (земля, вода, воздух, огонь) располагаются во вселенной концентрически, или, что то же, так расположены их „естественные места“. Если вышележащая стихия насильственно перемещена в нижележащую, она проявляет стремление вернуться в свое „естественное место“, т. е. приобретает „легкость“; вода, находясь в земле, устремляется вверх, точно так же как воздух, перемещенный в землю или воду» [8, с. 94].

характеризует любовь сначала на схемах (любовь как стремление половинок андрогинов соединиться, как вынашивание духовных плодов), потом, опираясь на эти схемы, задает любовь как идеальный объект (любовь как поиск своей половины и стремление к целому, любовь как стремление к прекрасному, благу и бессмертию)² [25, с. 59, 71–74]. В «Седьмом письме» он, осознавая философскую работу («диалектику»), описывает процесс, в котором современный ученый может увидеть и решение головоломок, хотя, на мой взгляд, это довольно далеко от понимания современного исследования.

«Для каждого из существующих предметов, — пишет Платон, — есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень — это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое — это имя, второе — определение, третье — изображение, четвертое — знание... Все это нужно считать чем-то единым, так как это существует не в звуках и не в телесных формах, но в душах... Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки — имени определением, видимых образов — ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека» [18, с. 493–494, 496].

Для Платона то, что познается, есть идея, которая путем диалектики припоминается, для Аристотеля — это сущность и то, что происходит «по природе», хотя объективный анализ показывает, что и Платон и Аристотель, изобретая схемы и строя определения, задают познаваемые явления как идеальные объекты³. Последние позволяют мыслить непротиворечиво, решать проблемы, стоящие перед философом, по-новому осмыслять «вещи» (факты, связанные с изучаемыми явлениями) [11, с. 59–60]. В «Физике» Аристотель решает две задачи, собственно философскую (разрешает апорию Зенона и задает движение как идеальный объект) и прикладную, которую впоследствии отнесут к научной, — он строит конкретные идеальные объекты (для равномерного движения, а также дает объяснения причин неравномерного движения) и получает относительно них непротиворечивые и истинные знания («эпистемы»).

После Аристотеля решение прикладных философских задач отходит к складывающейся античной науке. Например, «Начала» Евклида и «О плавающих телах» Архимеда — это уже примеры науки. Хотя идеальные объекты этих наук тоже задаются

---

² Схемы, как показывает автор в книге «Введение в схемологию: схемы в культуре, философии, науке, проектировании», представляют собой семиотические изобретения, позволяющие разрешить проблемные ситуации, с которыми сталкивается человек, отвечая на вызовы времени. Схема задает новую реальность и понимание, позволяет по-новому действовать. Например, схема Московского метрополитена была создана, с одной стороны, для ориентации отдельного человека в метро, с другой — для организации пассажиропотоков. Эта схема задает метрополитен как реальность навигации в метро, позволяя человеку в качестве пассажира ориентироваться и правильно действовать.

³ Этот момент конституирования явления специально отмечал И. Кант: «Но свет открылся тому, кто первый доказал теорему о *равнобедренном треугольнике* (безразлично, был ли это Фалес или кто-то другой); он понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматривал в фигуре или в одном лишь ее понятии, как бы прочитывая в ней ее свойства, а в том, чтобы создать фигуру посредством того, что он сам а priori, сообразно понятиям мысленно вложил в нее и показал (путем построения). Он понял, что иметь о чем-то верное априорное знание он может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее им самим сообразно его понятию» [11, с. 84–85]. Идеальным объектам приписываются фиксированные характеристики, которых философ или ученый придерживается в ходе решения своих проблем и задач.

с помощью определений и постулатов, но они строятся уже с опорой на предварительные принципиальные философские решения (Платона и Аристотеля). При этом способы задания теперь не обсуждаются. Дальше основная работа разворачивается как построение на основе исходных идеальных объектов следующих, более сложных, а также получения об этих объектах теоретических знаний (эпистем) с помощью доказательств и рассуждений, правила которых тоже установил Аристотель.

Примерно до середины XIX столетия решение в науке задач и получение научных знаний не называлось исследованием. Только с первым периодом технологизации науки и подготовкой ученых в университетах складывается это понятие. Например, в работе «Введение в философию воспитания» Д. Дьюи пишет следующее: «Мышление касается всегда вещей неясных, неопределенных, незаконченных. Поэтому мышление есть исследование» [10, с. 23]. Но интенция была другая: сделать научное исследование понятным и контролируемым, чтобы можно было быть уверенным: средства на исследование потрачены не зря, и получен столь нужный для прикладных задач результат. Перенос представлений об исследовании в философию происходит только в следующем столетии, когда философию, опять же в институциональных целях, стали сближать с наукой.

Научно-философский дискурс и исследование

Рассмотренная здесь линия эволюции философии и науки (обособление их и конвергенция как перенос понятия исследования из науки в философию) не единственная, параллельно в истории складывался другой процесс конвергенции — формирование «научно-философского дискурса». Яркий пример — работа Г. Галилея «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению» [6]. Хотя речь идет о построении новой науки, необходимым условием этой работы является обсуждение философских вопросов: значение математики, роль наблюдений, возможность не только изучать процессы природы, но и приводить их в соответствие с математическими моделями, разъяснение читателям ходов своей мысли. В письме к Чезаре Марсили от 11 сентября 1632 г. Галилей писал: «...поистине первое побуждение, склонившее меня к размышлениям о движении, заключалось в том, чтобы найти эту траекторию, — если ее найти, то потом уже нетрудно дать доказательство... ибо уже давно, когда я с величайшим восхищением разглядывал и изучал спираль Архимеда, которую он строит путем двух равномерных движений, одного — прямолинейного, другого — кругового, мне пришла в голову мысль о спирали, образуемой путем равномерного кругового движения и движения прямолинейного, ускоряющегося в том же самом отношении, что и естественно падающее тело» [8, с. 143]. «Но если человеческое понимание рассматривать интенсивно и коль скоро под интенсивностью разумеют совершенное понимание некоторых суждений, то я говорю, что человеческий интеллект действительно понимает некоторые из этих суждений совершенно и что в них он обретает ту же степень достоверности, какую имеет сама Природа. К этим суждениям принадлежат только математические науки, а именно геометрия и арифметика...» [7, с. 61]. «...причина различной скорости падения тел различного веса не заключается в самом их весе, а обуславливается внешними причинами — главным образом сопротивлением среды, так что если бы устранить последнее, то все тела падали бы с одинаковой скоростью» [6, с. 160].

В качестве второго примера научно-философского дискурса, который представляет собой и особый тип гибридного (междисциплинарного) исследования, я предложу собственное гуманитарное исследование. Оно было спровоцировано чтением одного письма Пушкина, которое меня поразило. «Письмо это, — пишет Пушкин в 1826 г. Петру Вяземскому, — тебе вручит милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай денег, сколько ей понадобится, — а потом отправь в Болдино. При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если только то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется — а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, — хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей богу — но *тут уж не до совести*» [19] (*курсив мой. — В. Р.*).

«Как такое может быть, — подумал я, — разве «наше все» — не пример высокой нравственности?» (Так нас учили в школе.) Стал читать пушкиноведов, оказалось, многие из них другого мнения. Сохранились, отмечает Б. Бурсов, «десятки свидетельств, причем совершенно достоверных, о резком несоответствии между стихами молодого Пушкина, наполненными самыми высокими красотами, и его внешним поведением, раздражавшим очень многих». По словам Н.М. Карамзина, «Пушкин, если он только не исправится, сделается чертом еще до того, как попадет в ад» [4, с. 123].

Но, возможно, пушкиноведы неправы, а письмо Пушкина к Вяземскому еще нужно правильно понять? Тогда я решил провести исследование личности Пушкина с целью понять, каким он был на самом деле, и только после этого заново определить свое отношение к нашему великому поэту. Однако как исследовать личность такого человека? Чтобы наметить решение этой проблемы, я стал размышлять, и это размышление как начало научного исследования можно отнести к философии, точнее, к ее разделу методологии.

Решил, что исследование Пушкина будет *гуманитарным*, поскольку речь идет о личности (В. Дильтей сказал бы, что оно будет относиться к наукам «о духе» и истории⁴), *культурологическим*, ведь Россия начала XIX века существенно отличалась от современной, и *методологическим* в силу того, что меня как методолога всегда интересовали способы мышления. Но было одно затруднение. Если исследование гуманитарное, правильно, как бы сказал Михаил Бахтин, предоставить голос Пушкину, а не объективировать его. «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, — с ними можно только диалогически общаться. Думать о них — значит говорить с ними, иначе они тот час же поворачиваются к нам своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершенные объектные образы» [3, с. 349].

Однако, долго занимаясь исследованием науки, я пришел к выводу, что построение идеальных объектов — одна из центральных научных процедур (задач), новое знание в науке получается именно на основе идеальных объектов. С этой точки зрения, я должен был представить (истолковать) Пушкина как идеальный объект, т.е. приписать ему характеристики, позволяющие мыслить непротиворечиво, решить сформулированную выше

---

⁴ Дильтей, пишет А.С. Огурцов, «больше не воспринимается только как “основатель гуманитарных наук”, Дильтей пытается перестроить “*всю философию*, где науки о духе занимают свое определенное место”... Он надеется понять *жизнь* без обращения к трансцендентальным допущениям, понять ее из нее самой... Взаимосвязь *переживания, выражения и понимания* — та проблема, которая занимает Дильтея в поздних работах... *Историчность* — та характеристика, которую использует Дильтей для описания внутренней сущности человека...» [17, с. 80, 81].

экзистенциальную проблему, по-новому понять и письмо Александра Сергеевича, и споры пушкиноведов. Покрутившись, подумал, что буду приписывать Пушкину такие характеристики, которые не заглушат его голос, а наоборот, сделают его высказывания (в письмах и опосредованно посредством знания фактов жизни) более понятными. Опять же, эта часть исследования относится к методологии.

Дальше я приступил собственно к построению идеального объекта, стал двигаться как ученый гуманитарной науки. Первая характеристика, приписанная мною Пушкину, такая: он был романтик. Если романтик, то, как пишет литературовед Л. Ачкасова, ему должно быть свойственно «двоемирие» («мир реального бытия, пошлая накипь жизни, от которой стремятся отчуждать себя герои, и “мир” бытия идеального, соответствующий их романтически-возвышенным идеалам и олицетворяемый во вневременных “вечных” ценностях — Любви, Природе, Искусстве. Причем искусству принадлежит особое место, ибо оно само по себе обладает способностью творить идеальный (желаемый) мир, независимый от окружающей реальности» [1, с. 132]). «Верно, сказал бы Александр Сергеевич, я и мои друзья жили в особом мире, мы ощущали себя героями, жили Творчеством и Красотой, воспринимали обычный мир как неподлинный, были уверены, что прекрасные женщины — это награда нам за эстетические подвиги, что они именно для этого и созданы» [21, с. 111].

Вторая характеристика. Пушкин как помещик относился к своим крепостным девушкам, соответственно, по-помещичьи, ведь «милая добрая девушка», о которой он говорит Вяземскому в письме, — это его крепостная. Учитывая это обстоятельство, поступок Александра Сергеевича, конечно, нехороший, но и не столь уж необычный.

Третья характеристика. Пушкин не был зависимым от карт, не играл ради денег, играл, чтобы почувствовать свободу. «Для честного игрока пушкинской эпохи, — отмечает Ю.М. Лотман, — (а честная карточная игра была почти всеобщей страстью, несмотря на официальные запреты) выигрыш был не самоцелью, а средством вызвать ощущение риска, внести в жизнь непредсказуемость. Это чувство было оборотной стороной мундирной, пригвожденной к парадом жизни. Петербург, военная служба, самый дух императорской эпохи отнимал у человека свободу, исключал случайность. Игра вносила в жизнь случайность» [13, с. 154].

Четвертая характеристика. Пушкин — не циник, речь идет о тактике жизни в культуре первой половины XIX столетия многих умных людей. «Савелов большой подлец, — пишет Пушкин Вяземскому. — Посылаю при сем к нему дружеское письмо. Охотно извиняю и понимаю его. Но умный человек не может быть не плутом!» Или вот другое письмо к брату (написанное в 1822 г.) относительно поэзии своего близкого друга П.А. Плетнева: «...Мнение мое, что Плетневу приличнее проза, нежели стихи, — он не имеет никакого чувства, никакой живости — слог его бледен, как мертвец. Кланяйся ему от меня (т. е. Плетневу — а не его слогу) и уверь его, что он наш Гете» [Там же, с. 154–155].

Особенно для нашей темы важна пятая характеристика — на Пушкина оказывали положительное влияние некоторые его друзья. Наиболее показательный пример — Петр Чаадаев, к которому Александр Сергеевич особенно прислушивался. «В дневнике 1821 года Пушкин делает такую запись: „Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя“» [27]. Так вот, Чаадаев в 1829 г. предлагает Пушкину осознать неправильность собственной жизни и принять решение, которое от него ожидают друзья. «Нет в мире духовном зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века

и своего призвания. Когда видишь, что человек, который должен господствовать над умами, склоняется перед мнением толпы, чувствуешь, что сам останавливаешься в пути. Спрашиваешь себя: почему человек, который должен указывать мне путь, мешает идти вперед? Право, это случается со мной всякий раз, когда я думаю о вас, а думаю я о вас так часто, что устал от этого. Дайте же мне возможность идти вперед, прошу вас. Если у вас не хватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого себя и в своем внутреннем мире найдите свет, который, безусловно, кроется во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России. Не изменяйте своему предназначению, друг мой» [28].

Построив идеальный объект, я стал размышлять. Известно, что на рубеже 30-х годов Пушкин кардинально меняет свою жизнь. Спрашивается, почему? Не потому ли, что под влиянием Чаадаева переосмыслил свою жизнь? В апреле 1830 г. Пушкин пишет письмо Н.И. Гончаровой, матери своей будущей жены, где, в частности, есть такие строчки: «Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась». И буквально через день, два он пишет своим родителям: «Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год, — м-ль Натали Гончаровой... Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия, — и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость» (цит. по [21, с. 109]).

Вспомнив Сёрена Кьеркегора, писавшего о «втором рождении» человека, вынужденного осуществить экзистенциальный выбор, я, опираясь на сконструированный идеальный объект, сделал вывод о том, что в указанный период жизни Пушкин «пережил духовный переворот» [21, с. 127]. Это и было новое гуманитарное знание, полученное в результате междисциплинарного исследования. Поскольку исследование включало в себя сознательную работу по построению методологии исследования, а также созданию идеального объекта, его можно отнести к философии. Но и к гуманитарной науке, так как я строил конкретный идеальный объект и получил новое знание. Другими словами, это еще один пример научно-философского дискурса.

Современный вид философского осмысления, опирающегося на научно-философское исследование

Вернемся к проблеме демаркации научного исследования и философского мышления (творчества). Ученый, приступая к исследованию, должен уже иметь явление, которое он будет изучать. Конечно, Галилей в эксперименте изменил условие свободного падения тел (минимизировал сопротивление среды), но все же он не создает в исследовании это природное явление, оно, как бы сказал Аристотель, существует «по природе» независимо от человека. Отсюда, в частности, установка ученого Нового времени построить не схему, а модель явления. Когда оппоненты показали Галилею, что предложенная им математическая модель свободного падения, заимствованная им от средневекового физика Н. Орема, не объясняет наблюдаемые факты (т. е. не является моделью), Галилей приводит в эксперименте процесс свободного падения в соответствие с оремовской моделью, другими

словами, она по отношению к экспериментально представленному явлению становится настоящей моделью. Правда, в отличие от естественной науки, в гуманитарной и социальной науках создаются не модели⁵, а схемы, но схемы особые, опирающиеся на знания (факты), полученные в ходе эмпирического изучения опять же реальных явлений (я не придумал Пушкина, а опирался на факты — его письма, а также знания, полученные пушкиноведами)⁶.

Иначе действует философ, решая стоящую перед ним проблему, он именно создает (проектирует⁷) явление и одновременно получает о нем новое знание. Так Платон в «Пире» получает знание не о той любви, которая в то время существовала (считалось, что любовь вызывают и направляют боги любви), а новой, получившей название «платонической», которую еще нужно было сформировать, и на это ушло не одно столетие. Наш оппонент может возразить, сказав, что любовь уже была, и Платон просто ее описал по-новому. Нет, от реальной любви Платон берет только притяжение влюбленных друг к другу, все остальное и самое главное (выбор своей половины, стремление к целому, прекрасному, благу и бессмертию) он, как бы сказал Кант, а *rigori* приписал любви, т. е. сконструировал новую любовь.

Приведу еще один пример — философское осмысление формирования египетских пирамид. Внешне оно выглядит как описание событий, имевших место в Древнем Египте. Поскольку египетские жрецы обожествили фараонов, возникла проблема, что делать с фараоном, когда он покидал мир (как человека его нужно было хоронить, и его душа шла под землю в царство смерти Озириса, а как живой бог Ра он должен был идти на небо, и его тело не подвергалось тлению). Сначала жрецы научились отправлять умершего фараона на небо, для этого они создали схему, в соответствии с которой его душа поднимается на небо по захоронению (так и сказано в одном из сохранившихся папирусов).

Проблемная ситуация → СХЕМА → новая реальность → практическое действие

---

⁵ «Социология, — пишет З. Бауман, — это расширенный комментарий опыта обыденной жизни, интерпретация, основывающаяся на других интерпретациях и, в свою очередь, питающая их. Она не конкурирует, но соединяет свои силы с другими частными дисциплинами, занимающимися интерпретацией человеческого опыта (литература, искусство, философия). Социологическое мышление, по меньшей мере, подрывает веру в исключительность и полноту какой бы то ни было интерпретации. Оно привлекает внимание к множественности опытов и форм жизни, показывает каждую из них как целостность саму по себе, как мир со своей собственной логикой и в то же время разоблачает всю фальшь ее самодовольства и якобы явной самодостаточности» [2, с. 239–240].

⁶ Этот вид схем тоже можно рассмотреть как модели, только в гуманитарных и социальных науках создается не один тип моделей (позволяющий рассчитывать и прогнозировать), а столько, сколько сложилось разных подходов. Предложенная реконструкция Пушкина может быть использована как модель в том случае, если соблюдаются основные указанные методологические установки автора.

⁷ Под проектированием в данном случае понимается «замышление» нового явления, его «конструктивизация» (задание строения) и «установка на реализацию» [22].

В свою очередь, для реализации этой схемы захоронения фараонов стали делать все масштабнее, все выше и выше, пока они, как казалось, не коснулись неба⁸. Вторую проблему (отправить фараона в царство Озириса под землю) жрецы решили не менее изящно: они истолковали (тоже с помощью схемы) захоронение фараона как холм. В результате пирамида воспринималась как продолжение земли, а фараон попадал в царстве Озириса. Практически реализовать этот замысел удалось за счет изготовления пирамиды как монолитного сооружения [24, с. 266]. Наконец, тело фараона сохранялось с помощью мумифицирования, а облик поддерживался средствами искусства (золотая маска лица, одежда и пр.)⁹.

Но так ли все было на самом деле, и какую реальность я воспроизводил, создавая подобную реконструкцию? Поскольку это была культурно-историческая реконструкция, постольку нужно согласиться, что описанные здесь исторические события *гипотетические* (хотя как автор я уверен, что описал их верно). Поскольку меня интересовало не только объяснение того, как древние египтяне создавали пирамиды, но также *причины развития техники, роль культуры и схем*, постольку моя реконструкция как философское осмысление представляла собой построение особого идеального объекта, относящегося, прежде всего, к философии техники, хотя еще одной его функцией было гипотетическое отображение исторических событий.

Итак, построение в философии идеальных объектов предполагает создание замыслов и проектов нового предмета, в то время как научное исследование нельзя осуществить, если нет предметов, подлежащих изучению. Отсюда значение в философском осмыслении схем и начал, на последнее обращал внимание еще Аристотель. Важность схем, поскольку они позволяют выразить подход и ценности философа, начал как объективаций содержания построенных схем, а также как исходного пункта осмысления. Можно вспомнить и Мартина Хайдеггера, писавшего, что «философия это всегда начало, и она требует преодоления самой себя» [26, с. 81].

Особо стоит рассмотреть методы, позволяющие в философии получать факты об исследуемом явлении. В естественной науке эта задача решается за счет интерпретации на основе теоретических гипотез эмпирических знаний (наблюдений, измерений, сравнений и др. процедур относительно изучаемых в науке объектов — движений тел, теплоты, оптических явлений, электрических и магнитных процессов и др.). В философии, гуманитарных и социальных науках выявление фактов — задача на порядок сложнее, поскольку здесь приходится конституировать и сам объект исследования. Рассмотрим конкретный пример — исследование техники.

Да, техника сформировалась и прошла длительный исторический путь развития (это видно, например, в названии одной из книг по философии техники — «Техника и технология от каменных орудий до Интернета и роботов»). То есть техника как явление, которое можно

---

⁸ «Гробница царя, — пишет Т. Шеркова, — считалась горой, по которой его душа поднималась на небо. Образом священной горы являлась и мастаба, в которой хоронили царей первых двух династий, ступенчатая пирамида, по которой взбирались души царей III династии, обычная пирамида с прямыми и чуть изломанными гранями, чей идеальный образ многократно был повторен царями IV, V и даже более поздних династий Среднего царства, наконец, даже пирамида в форме саркофага. Как известно, цари династии Нового царства погребены в Долине царей, однако и здесь сохранился образ священной горы, ибо скальные гробницы прорубались у подножия огромной естественной горы, именовавшейся Мертсегер — богиней смерти, любящей молчание. В скальных гробницах хоронили и частных лиц, начиная со Среднего царства, когда каждый умерший считался Озирисом имярек» [29, с. 67].

⁹ И здесь не обходись без схем: маска лица истолковывалась как вызывание души фараона [24, с. 124, 267].

исследовать, существует. Что она собой представляет и какие факты нужно учитывать при исследовании техники, было неясно, когда я много лет назад приступил к исследованию техники. Но у меня была своеобразная нить Ариадны — «метод культурно-исторической реконструкции». В соответствии с ним технику нужно было рассмотреть как развивающееся образование, являющееся элементом определенной культуры, причем смена одних культур на другие влекла за собой и трансформацию техники. При этом одновременно приходилось конституировать и понятие культуры (философски осмыслять, что собой представляет культура, каким образом определенная культура становится, развивается и уступает место следующей культуре).

Выше я говорил о египетских пирамидах. Как я вышел на идею обожествления фараонов? Анализируя особенности культуры Древних царств. Известно, что в этой культуре представление о богах было центральным. Тогда понятно, почему человек того времени считал необходимым подчиняться жрецам, ведь они понимались как знающие язык богов, как посредники между богами и человеком. «Но почему, — задумался я, — нужно было подчиняться царям (фараону)? Конечно, у него армия, сила, власть, однако все это еще должно быть понято в рамках времени и культуры. Богам нужно было подчиняться, поскольку они создали мир и человека (это общее место у всех древних народов), а царю?» Я предположил, и эта гипотеза хорошо подкреплялась известными историческими текстами, что жрецы разрешили эту проблему, утверждая, что царь — не только человек, но и бог. Ну, а дальше, очевидно, возникла еще одна проблема — что делать с царем, когда он умер.

Или другая реконструкция — объяснение своего рода взрыва технического развития в культуре Нового времени. Вот с чем это было связано: средневековый культурный проект (Бог создал мир и человека, последний из «ветхого» должен стать христианином, будет Страшный суд и конец мира) примерно к XV столетию был реализован и завершен, человек все больше жил земными заботами, складывались новые социальные отношения. Эти новации и трансформации потребовали создания нового культурного проекта и смысла. В его построении принимали участие многие философы и мыслители, но окончательная формулировка принадлежит Фрэнсису Бэкону: «Цель жизни человека — могущество и удовлетворение потребностей. **Источник и условие реализации этой цели — природа.** Познавая в новой науке законы (формы) природы, основывая новую практику на этих законах, человек сможет стать могущественным и удовлетворить свои потребности. Для реализации этого замысла необходимо создать новые науки и практики (естествознание и инженерия)» [23, с. 156]. «Инженерная концептуализация техники кардинально изменила процесс ее развития, который приобрел взрывной характер. Теперь инженер, создавая новую технику, мог опереться на законы многочисленных природных процессов, выявленных в естественных науках, кроме того, поскольку он действительно стремится поставить природу на службу человеку, постольку на основе всех этих процессов создает новую технику... В чем я вижу достоинство этой методологии (культурно-исторической реконструкции)?

- Предметом реконструкции являются конкретные виды техники в конкретное историческое время, в конкретных культурах (изготовление орудий в преемственности человечества, техника как магия в архаической культуре и культуре Древнего мира, античная техника и ее философская концептуализация, инженерия как новый способ производства техники, формирование технологии и ее особенностей, образование технической среды

и техноприроды, большие социотехнические проекты, Интернет и ИИ). Эти сложные объекты исследуются как индивиды (не в смысле субъектов, а уникальных образований), что отчасти блокирует их подведение под общие схемы и возможность редукции к одному из видов техники или подведение под абстрактные концепции.

- Размещение указанных объектов в историческом времени и в конкретных культурах обеспечивает органичность и выделение реальных условий в плане реконструкции переходов от одних видов техники к другим, понимание предпосылок и характера ассимиляции предыдущих форм и видов техники в последующих.

- Реконструируются, с одной стороны, причины, условия, обстоятельства, механизмы, определяющие переход к новым ситуациям, в которых складываются и затем функционируют новые виды техники, с другой — последствия, которые эти виды техники обуславливают, вплоть до изменения социальности, условий жизни человека и его самого. Понятно, что здесь приходится рассматривать и собственно технику, и, так сказать, нетехнические реалии — проблемы и вызовы времени, особенности культуры, мироощущение времени, изобретения, деятельность, формы социальности, короче, все, что необходимо для реконструкции.

- Наряду с реконструкцией и анализом «индивидов» (разных сущностных видов техники) эти индивиды подводятся под авторскую концептуализацию техники, которая одновременно уточняется и видоизменяется, если выявляются ее недостатки. Таким образом, здесь два продукта: осмысление разных видов и сущностей техники, как принадлежащих все же единой технике, и скорректированная концептуализация техники» [24, с. 65, 67].

Так вот проецируя на конкретные феномены представления о технике, полученные в ходе культурно-исторической реконструкции, а также осмысляя их в рамках этой реконструкции, можно выделить факты, которые нужно учитывать, ведя исследование техники (одновременно, если нужно, корректируя представления о ней). Например, в число этих фактов вошли не только особенности разных видов техники, но и разные формы ее осознания (например, магическое осознание в Древнем мире и рациональное в Новое время), и взрыв технического развития после XVIII столетия, и различие понятий «инженерия», «технология», «техника», и негативные последствия использования техники начиная с XX столетия, и современный интерес к феномену техники. Нетрудно сообразить, что выделение подобных фактов предполагает философский дискурс. Сходные закономерности имеют место при формулировании фактов в исследованиях гуманитарных и социальных явлений.

Помимо культурно-исторической реконструкции, существуют и другие стратегии (методологии) выявления и анализа сложившихся сложных явлений (науки, искусства, культуры и др.). Одну из них реализовал А.П. Огурцов, с которым мы в Институте философии выпустили три сборника по методологии [14; 15; 16].

Литература

1. *Ачкасова Л.* 1975. Гносеологическая проблема в концепции Паустовского-гуманиста // Романтический метод и романтические тенденции в русской и зарубежной литературе. Казань: изд. Казанского универс. 167 с.
2. *Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996. Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 255 с.
3. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
4. *Бурсов Б.* Судьба Пушкина // Звезда. № 6. 1974.
5. *Бэкон Ф.* Новый органон. М.: 1935.
6. *Галилей Г.* Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению. Сочинения. Т. 1, М.-Л., 1934. 696 с.
7. *Галилей. Г.* Диалог о двух главнейших системах мира. М., 1948.
8. *Григорьян А.Т., Зубов В.П.* Очерки развития основных понятий механики. М., 1962. 276 с.
9. *Гуковский М.А.* Механика Леонардо да Винчи. М.-Л., 1947. 815 с.
10. *Дьюи Д.* Введение в философию воспитания. М.: тип. Коминтерн, 1921. 62 с.
11. *Кант И.* Критика чистого разума. Соч. в 6 т. Т. 3. М.; Мысль, 1964. 799 с.
12. *Кун Т.* Структура научных революций. Глава IV. Нормальная наука как решение головоломок. <https://gtmarket.ru/library/basis/3811/3815>
13. *Лотман Ю.* 1997. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб. 485 с.
14. *Методология науки: проблемы и история.* М.: ИФ РАН, 2003. 342 с.
15. *Методология науки: статус и программы: [по результатам семинара Центра методологии и этики в 2002–2004 гг.] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [отв. ред. А.П. Огурцов, В.М. Розин].* Москва: ИФРАН, 2005. 293 с.
16. *Наука: от методологии к онтологии.* Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред.: А.П. Огурцов, В.М. Розин. М.: ИФ РАН, 2009. 287 с.
17. *Огурцов А.П., Платонов В.В.* 2004. Образы образования. Западная философия образования. XX век. Санкт-Петербург: РХГИ, 520 с.
18. *Платон.* Седьмое письмо // Платон. Соб. соч. в 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 475–504.
19. *Пушкин А.С.* Вяземскому П.А.
https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1826/1375_192.htm
20. *Розин В.М.* «Пир» Платона: Новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. М.: URSS. 2015. 200 с.
21. *Розин В.М.* Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. Изд. стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2018. 208 с.
22. *Розин В.М.* Природа и генезис техники. М.: Де´Либри, 2024. 390 с.
23. *Розин В.М.* Природа: Понятие и этапы развития в европейской культуре. М.: ЛЕНАНД, 2017. 240 с.
24. *Розин В.М.* Проектирование и программирование: Методологическое исследование. Замысел. Разработка. Реализация. Исторический и социальный контекст URSS. 2018. 160 с.

25. Розин В.М. Формирование научного предмета в «Физике» Аристотеля / В.М. Розин. История и философия науки. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018. С. 157–167.
26. Хайдеггер М. Вклады в дело философии. От события // "Ἐρμηνεία № 1 (1) 2009. С. 56–94.
27. Чаадаев П.Я. (2021). <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st054.shtml>
28. Чаадаев П.Я. 2020. <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st054.shtml>
29. Шеркова Т. Выхождение в день // Архетип. 1996. № 1.

References

1. Achkasova L. 1975. *Gnoseologicheskaya problema v koncepcii Paustovskogo-gumanista* [Epistemological problem in the concept of Paustovsky the humanist]. *Romanticheskij metod i romanticheskie tendencii v russkoj i zarubezhnoj literature* [Romantic method and romantic trends in Russian and foreign literature]. Kazan: ed. Kazan: University. 167 p. (In Russian.)
2. Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Art, 1979. 423 p. (In Russian.)
3. Bauman Z. *Mysl'it' sociologicheski* [Thinking sociologically]. Moscow, 1996. Per. from English edited by A.F. Filippova. Moscow: Aspect-Press, 1996. 255 p. (In Russian.)
4. Bekon F. *Novyj organon* [New organon]. Moscow: 1935. (In Russian.)
5. Bursov B. *Sud'ba Pushkina* [The fate of Pushkin]/ *Zvezda* [Star]. No. 6. 1974. (In Russian.)
6. ЧХаадаев П.ЯА. [Chaadaev P.Ya.]. 2020. <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st054.shtml>
7. ЧХаадаев П.ЯА. [Chaadaev P.Ya.] (2021). <http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st054.shtml> (In Russian.)
8. D'yui D. *Vvedenie v filosofiyu vospitaniya* [Introduction to the philosophy of education]. Moscow: type. Comintern, 1921. — 62 p. (In Russian.)
9. Galilej G. *Besedy i matematicheskie dokazatel'stva, kasayushchiesya dvuh novyh otraslej nauki, otnosyashchiesya k mekhanike i mestnomu dvizheniyu* [Conversations and mathematical proofs concerning two new branches of science related to mechanics and local motion]. *Essays*. T. 1, M.-L., 1934. 696 p. (In Russian.)
10. Galilej. G. *Dialog o dvuh glavnejshih sistemah mira* [Dialogue about the two most important systems of the world]. Moscow, 1948. (In Russian.)
11. Grigor'yan A.T., Zubov V.P. *Ocherki razvitiya osnovnyh ponyatij mekhaniki* [Essays on the development of basic concepts of mechanics]. Moscow, 1962. 276 p. (In Russian.)
12. Gukovskij M.A. *Mekhanika Leonardo da Vinchi* [Mechanics of Leonardo da Vinci]. M.-L., 1947. 815 p. (In Russian.)
13. Hajdegger M. *Vklady v delo filosofii. Ot sobytiya* [Contributions to philosophy. From the event]. "Ἐρμηνεία. No 1 (1) 2009. Pp. 56–94. (In Russian.)
14. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Op. in 6 volumes. T. 3. Moscow: Thought, 1964. 799 p. (In Russian.)

15. Kun T. *Struktura nauchnyh revolyucij* [Structure of scientific revolutions]. Chapter IV. Normal science as puzzle. solving. <https://gtmarket.ru/library/basis/3811/3815>
16. Lotman YU. 1997. *Besedy o russoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII — beginning XIX century)]. St. Petersburg 485 p. (In Russian.)
17. *Metodologiya nauki: problemy i istoriya* [Methodology of science: problems and history]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2003. 342 p. (In Russian.)
18. *Metodologiya nauki: status i programmy* [Methodology of science: status and programs]. Moscow: IFRAN, 2005. 293 p. (In Russian.)
19. *Nauka: ot metodologii k ontologii* [Science: from methodology to ontology]. Ros. akad. nauk, In-t filosofii; otv. red.: A.P. Ogurcov, V.M. Rozin. Moscow: IFRAN, 2009. 287 p. (In Russian.)
20. Ogurcov A.P., Platonov V.V. 2004. *Obrazy obrazovaniya. Zapadnaya filosofiya obrazovaniya HKH vek* [Images of Education. Western philosophy of education. XX century]. St. Petersburg: RKhGI, 520 p. (In Russian.)
21. Platon. *Sed'moe pis'mo* [Seventh letter]. Plato. Sob. Op. in 4 volumes. T. 4. Moscow, 1994. P. 475–504. (In Russian.)
22. Pushkin A.S. Vyazemskomu P.A. [Vyazemsky P.A.].
23. Rozin V.M. «Pir» Platona: *Novaya rekonstrukciya i nekotorye reminiscencii v filosofii i kul'ture* [“Symposium” of Plato: New reconstruction and some reminiscences in philosophy and culture]. Moscow: URSS. 2015. 200 p. (In Russian.)
24. Rozin V.M. Formirovanie nauchnogo predmeta v «Fizike» Aristotelya [Formation of a scientific subject in Aristotle’s “Physics”]. V.M. Rozin. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. 2-e izd. 2nd ed. Moscow: Yurayt, 2018. Pp. 157–167. (In Russian.)
25. Rozin V.M. *Osobennosti diskursa i obrazcy issledovaniya v gumanitarnoj nauke* [Features of discourse and patterns of research in the humanities]. Ed. stereotype. Moscow: LIBROKOM, 2018. 208 p. (In Russian.)
26. Rozin V.M. *Priroda i genezis tekhniki* [Nature and genesis of technology]. Moscow: De'Libri, 2024. 390 p. (In Russian.)
27. Rozin V.M. *Priroda: Ponyatie i etapy razvitiya v evropejskoj kul'ture* [Nature: Concept and stages of development in European culture]. Moscow: LENAND, 2017. 240 p. (In Russian.)
28. Rozin V.M. *Proektirovanie i programmirovaniye: Metodologicheskoe issledovanie. Zamysel. Razrabotka. Realizaciya. Istoricheskij i social'nyj kontekst* [Design and programming: Methodological study. The idea. Development. Implementation. Historical and social context]. Moscow: URSS. 2018. 160 p. (In Russian.)
29. SHerkova T. *Vyhozhdenie v den'* [Going out on the day]. Arhetip [Archetype]. 1996. No 1. (In Russian.)

Scientific and philosophical research: demarcation and convergence

Rozin V.M.,

Doctor of Philosophy Sc., professor,

Chief Researcher

Institute of Philosophy RAS, Russia,

109240, Moscow, st. Goncharnaya, 12, building 1

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Annotation: The article discusses the concept of research in two main disciplinary fields of knowledge — philosophy and science. The reduction of philosophy to science is questioned. The author shows that science is separated from philosophy in the Hellenistic period due to the fact that there is a division of labor: criticism and the constitution of a new reality go to philosophy, and knowledge about an already established subject area goes to science. Common to both areas is the construction of schemes and ideal objects, but science is also characterized by the construction of models. Using the examples of two cases (the study of Galileo and the personality of Pushkin), a special type of scientific research is reconstructed, which the author calls scientific-philosophical discourse, which includes philosophical work (comprehension). The modern type of philosophical understanding, based on scientific and philosophical research, is analyzed in more detail based on the material of the cultural and historical reconstruction of technology. The author sees the advantage of this approach in the fact that the subject of reconstruction are specific types of technology in a specific historical time, in specific cultures, and these complex objects are studied as individuals, which, in part, blocks their subsuming under general schemes and the possibility of reduction to one of the types of technology or subsuming under abstract concepts. On the one hand, the causes, conditions, circumstances, mechanisms that determine the transition to new situations in which new types of technology take shape and then function are reconstructed, on the other hand, the consequences that these types of technology cause, up to changes in sociality, human living conditions and himself.

Keywords: science, philosophy, research, reconstruction, history, culture, discipline, knowledge, thinking, discourse.